

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Суверенная автократия	17
Глава 2. Технократическое чудо и оттепель	71
Глава 3. Вокруг приемника	125
Глава 4. Поздняя осень	159
Глава 5. Португалия. Шипы революции	221
Глава 6. Последний год Франко	255
Глава 7. Свобода без гнева	293
Глава 8. На перевале. Демонтаж	337
Глава 9. Неофиты демократии	373
Глава 10. Испытание свободой	407
Глава 11. Диктатура контратакует	433
Эпилог	479
Благодарности	529
Библиография	531

ВВЕДЕНИЕ

Есть что-то мистическое и в восхождении диктаторов к вершинам власти, и в их падении. Кажется, совсем недавно ты был обычным человеком, как все, и вот ты, подобно древнему божеству, управляешь судьбами тех людей, к числу которых принадлежал, а большинство принимает это как должное или не в силах противиться. Или, наоборот, только что все было послушно малейшему движению, и вдруг, как в плохом сне, за знакомыми дверями — незнакомые комнаты, звонки не звенят, ключи не поворачиваются, кнопки не нажимаются, руки и ноги непослушны. Как уходит власть, куда и почему она уходит?

Эту книгу можно читать как документальный роман о том, как две самые долгие диктатуры Европы, каждая из которых продолжалась по 40 лет, не устояли. Речь идет о диктатурах Франсиско Франко в Испании и Антониу ди Салазара в Португалии. Чтобы дополнить картину, я пишу об их позднем и менее долговечном подражателе — православной диктатуре «черных полковников» в Греции. Все три режима рассыпались почти одновременно — в середине 70-х гг. прошлого века.

Как в любом романе, герои здесь прежде всего люди. Но поскольку это документальный политический роман, кроме отдельных личностей, героями являются и целые человеческие сообщества — номенклатура и оппозиция, социалисты и консерваторы, священники и студенты, силовики, политические эмигранты, иностранные державы, дипломаты, революционеры, министры, художники, кинорежиссеры.

Как роман — описание целых обществ, книга на почтительном отдалении наследует древним образцам жанра: так Ксенофонт в одном из сочинений рассказывал об устройстве Спарты, а Аристотель — о политическом строе Афин.

Испанский и португальский режимы, очень похожие по форме, отличаются по происхождению. Оба появились, когда часть граждан захотела власти твердой руки, которая покончит с хаосом молодой демократии. В Испании генералу Франко для этого пришлось свергнуть правительство и завоевать страну, в Португалии профессору Салазару, чтобы закрепиться у власти почти на всю жизнь, хватило умелого преодоления экономических трудностей и манипулирования политическими институтами. Правителями они были тоже очень разными. Один был правителем-воином, рыцарем и конкистадором. Другой — правителем-колдуном, ученым монахом, экспериментирующим с рецептами народного счастья. Хотя под конец жизни они словно поменялись местами: один начал с войны, другой ею закончил. Один выстраивал свою власть на одержанной победе, второй под конец жизни — на том, что всеми силами избегал поражения.

Противники автократий часто дают свой ответ на вопрос, почему авторитарным режимам удается просуществовать долго: потому что они держатся на страхе и силе. Сторонники авторитаризма как формы правления отвечают по-своему: длительные режимы личной власти держатся силой народной любви. Оба ответа слишком просты. В основании диктаторских режимов — причудливое сочетание любви и страха, а еще лести, покорности, гордости, привычки, реальных и мнимых успехов, личного благополучия, карьерных достижений, затрудняющих отказ от совместно прожитых лет, страха неопределенности, прошлых травм. Но главное в основе таких режимов — баланс, который умеет держать правитель между разными своими опорами в элите и обществе. Когда этот баланс утрачен, режим обваливается.

Первая часть книги отвечает на вопрос, как диктатурам удается просуществовать долго. Здесь рассказано, как авторитаризм достигает устойчивости, обретая точку равновесия между правителем, элитами и обществом. Это динамический процесс, точка все время колеблется, и правитель на ощупь ищет баланс между группами поддержки и фракциями элиты. Кажется, что он сидит на троне, но на самом деле он канатоходец. Для сохранения найденного баланса ему самому приходится меняться, невольно приближая собственный финал.

Выживание и падение режима связаны теснее, чем кажется. Время выращивает внутри старой диктатуры новое общество, и она впускает его в себя, чтобы не разорваться сразу и выжить, становится эластичнее в одном месте и ригиднее в другом, но в конечном счете умирает, не вместив это новое общество в себя. Умирает мирно или не очень. Новое общество всегда растет внутри старого, они взаимодействуют, борются и идут на компромиссы, иногда меняются местами, отбрасывают свои радикальные фракции. Они могут в конечном счете смешаться, и диктатура рассыплется, превратившись в эту смесь. Так произошло в Испании. В Португалии было иначе. Там новое общество высвободилось из старого в результате революции. В Греции диктатура пала после неудачной попытки присоединить соседнее государство. Но и в Португалии, и в Греции в конечном счете старое и новое смешалось, только по-разному. Португальский и испанский финалы — почти идеальный материал для того, чтобы сопоставить на примере родственных стран революцию и эволюцию.

Вторая часть книги — о том, почему они все-таки заканчиваются, что им мешает длиться вечно, как диктатуру покидает сила. Как исчезает тщательно выстроенный баланс, а создать новый становится все труднее.

Страны разные, а персонажи и их роли сходны. Есть аполитичные управленцы, готовые продавать опыт и знания любому

режиму. Есть знаменитые диссиденты и политические эмигранты, либералы и сторонники тоталитарных утопий, иностранные дипломаты, которые вмешиваются во внутренние дела. Есть противники войны и ее сторонники, которые понимают, что война — отличный способ уничтожить внутренних конкурентов и занять те высоты, для которых не хватает собственных компетенций.

Есть боевые самодеятельные организации, берущие в свои руки борьбу с врагами отечества, видя, что власть недорабатывает, и противостоящие им сторонники оппозиционного насилия, иногда просто бандиты и вымогатели, прикрывающиеся политическими лозунгами. Есть спецслужбы, которые пытаются вести игру с первыми и со вторыми. Есть реформаторское крыло номенклатуры, представители которого понимают, что власти нужно меняться, если она не хочет отстать от жизни и окончательно уступить симпатии граждан оппозиции.

Есть оппозиция радикальная, которую не устроит ничего, кроме революции и мести, и трезвомыслящая, готовая к разумным компромиссам. Есть партия власти, теряющая популярность, но держащаяся за власть. Есть орден силовиков — военных, полицейских, гражданских гвардейцев, ветеранов давних и новых войн, — которого опасается не только оппозиция, но и реформаторски настроенная гражданская бюрократия. В то время как одни думают над тем, как обеспечить нейтралитет силовой корпорации в политике, другие призывают отдать ей власть.

Есть бизнес, который хочет, чтобы власть досталась номенклатурным реформаторам, а не силовикам, но боится революции. Есть художники, писатели, поэты, режиссеры, публицисты, ученые, которые пытаются занять ту или иную сторону, иногда противопоставляя себя не только власти, но и оппозиции. Есть относительно легальные оппозиционеры и подпольные, есть оппозиция в стране и оппозиция в эмиграции, спорящая, кто достойнее возглавить перемены.

Есть высокопоставленные перебежчики из власти в оппозицию и часть номенклатуры, которая считает, что превосходит самого лидера в верности идеологии режима. Есть семья диктатора, которая пытается им управлять. Есть даже короли и принцы, претенденты на трон, ревнующие власть друг к другу. И конечно же, есть те, кто осуществил перемены и демонтировал диктатуры и кого потом до конца жизни упрекали, что он сделал не то, не так и на его месте должны были быть другие люди.

Древнегреческий историк Плутарх, скорее писатель на исторические и философские темы периода расцвета Римской империи, автор, как сказали бы сейчас, популярных книг в жанре нон-фикшн, больше всего прославился своими «Сравнительными жизнеописаниями». Он брал грека и римлянина, которые казались ему интересной для сопоставления парой, и сравнивал этих двух героев. С тех пор историческая и политическая науки расширили сферу своего внимания. От описания героев и правителей они перешли к изучению простых людей и повседневности, в которой правители занимают место части, а не целого. Современный Плутарх должен создавать параллельные жизнеописания целых обществ, которые ему интересно сопоставить по тому или другому признаку. Можно считать эту книгу таким параллельным жизнеописанием обществ — испанского, португальского и греческого периода конца последних тамошних тираний и начала демократий.

Переход этих трех стран от авторитаризма к демократии современный философ-обществовед Самуэль Хантингтон считает началом третьей и пока что последней волны демократизации. В результате первой волны в течение всего XIX и части XX в. абсолютистские режимы в Европе сменились парламентскими. Вторая волна — смена диктатур на демократии по итогам Второй мировой войны.

Третья волна началась в Испании, Португалии и Греции падением последних правых диктатур капиталистической

Европы и закончилась на рубеже 1980–1990-х крахом левых режимов Европы коммунистической. В самом деле, когда обвалились последние диктатуры Западной Европы, режимам социалистического лагеря стало труднее оправдывать свое существование. Третья волна, казалось, привела к тому, что диктаторский способ правления, в какую бы идеологию он ни рядился, изжит навсегда, но через 30 лет после конца этой волны мы видим, что диктатуры переживают своего рода ренессанс. А может быть, дают последний бой.

Время не только проясняет, но и затемняет ход событий. Следует отличать событие от мифа о нем. Реальное взятие Бастилии или штурм Зимнего сильно отличаются от легендарных рассказов. Миф необязательно противоречит событию, часто он его всего лишь упрощает. С течением времени миф о событии вытесняет само событие. Это касается и демократизации целых обществ и государств. Силы свободы вышли на улицы и площади, подняли флаги, принесли жертвы, и силы тьмы дрогнули и бежали.

В мифе о событии гораздо легче назначить героев и злодеев, в то время как подробный разбор самого события смазывает дидактическую ясность картинки. Силы добра и зла, будущего и прошлого, свободы и несвободы в реальном обществе находятся в состоянии диффузии, они смешаны. Это неудивительно: общества, как и вещества, состоят из индивидуумов-атомов (латинское *individuum* и есть перевод греческого «атом») и ведут себя похоже.

У всех длительных режимов личной власти есть общие черты и есть различия. Механизмы долгого сохранения власти одинаковы не только внутри однотипных систем, но и поверх границ между системами и даже историческими периодами. Поэтому в Испании, Португалии, Греции периода демократической трансформации мы встречаем те же фигуры, что и в Древнем Риме или Афинах. Вот стареющий тиран, а вот враги тирана, которые хотят отобрать у него власть, одни — чтобы

самим стать на его место, другие — ради высоких идеалов. Рядом с тираном — льстецы, которые понимают, что потеряют свое положение вместе с ним, и более тонкие царедворцы, которые считают, что сумеют пригодиться следующему властителю. Им противостоит старый друг тирана, который пытается оберегать его от льстецов и дает мудрые советы. У подножия — верные исполнители, которые верят всему, что говорит тиран, и готовы повиноваться. Среди них затесалась умная молодежь, которая считает, что старик отжил свое, но надо отодвинуть его так, чтобы самим не остаться ни с чем.

Всем им противостоят пылкие враги тирании, готовые по первому зову идти на баррикады. У тирана есть мудрый старый враг, который понимает, что для победы нужно вступить в сговор со слабым звеном в окружении властителя. Есть священник, которому тиран когда-то оказал услугу, но теперь тирания не в моде, и, чтобы сохранить авторитет у паствы, он покидает тирана. Есть потомок законного правителя, который должен править вместо тирана. И есть его сын, которому тиран благоволит в обход отца, чтобы тот был обязан властью ему одному. Но и сам тиран за долгие годы меняется.

Франко крайне удивился бы, узнав, что в Советской России, в полемике с которой он провел всю свою жизнь, установится власть, отдаленно похожая на его собственную. Пожалуй, он счел бы это своей посмертной победой, если бы будущий российский режим не сохранил ностальгию по предшествовавшему советскому, в наследство от которого осталось сочувствие к республиканской Испании и культ победы над европейским фашизмом, подражателем и другом которого был Франко. Впрочем, период разочарования в социализме в России к сочувствию друзьям-республиканцам добавил симпатию к правым рыночным диктатурам, которые смогли обуздать собственных коммунистов. Ведь режим Франко воплощает один из вариантов альтернативной российской истории — победу белого генерала в Гражданской войне.

Переход от тирании к демократии интересует не только жителей авторитарных стран, которые примеряют его на себя. Он интересует людей вообще. Переход от власти одного к власти всех, от прав для немногих к правам для большинства — универсальный общечеловеческий сюжет, любимый во все времена. Еще античные историки подробно рассказывали об установлении и падении древних тираний и формировали норму поклонения тираноборцам.

Падение режимов в Испании и Португалии еще и мой личный сюжет. Вместе с тюльпанами в ящиках для цветов за окном, подвижными полосами света, обозначающими на потолке путь таинственных ночных машин, доносимыми ветром плевками первомайских духовых оркестров в раннем детстве, на самой заре сознания, я помню на экране советского черно-белого телевизора под разросшейся на стене домашней монстерой бегущих по незнакомым, залитым солнцем улицам, припадающих к укрытиям чужих солдат в необычных, не наших шапочках и новое слово «Лиссабон» в приятном ворковании диктора. И позже, в уже подростковой памяти, необъяснимую радость от того, что в капиталистической Испании победили очень хорошие люди, почти наши, и значит, наш мир добра еще немного расширился, и там, в новой части этого мира, теперь красивый премьер-министр социалист Гонсалес с честной улыбкой, молодой даже на взгляд ребенка.

С того времени мне хотелось узнать, куда бежали эти солдаты и чему так улыбался Гонсалес. Наконец нашлось время в этом разобраться. Для этого пришлось научиться чужим языкам, ездить по миру, читать, смотреть много часов документального видео, разговаривать. Я должен был посвятить свою прошлую книжку «Миф тесен» маме, ведь некоторые из собранных в ней текстов написаны в ее маленькой квартирке на северо-востоке Москвы, но вовремя не догадался. Посвящаю ей эту. Это она купила черно-белый телевизор и включила его

в тот день, когда в нем под чужим солнцем бежали солдаты, она завела и поливала лиану на стене. Эта книга о событиях времен молодости наших родителей или бабушек-дедушек, а для кого-то собственной. Но эта книга и про нас.

ГЛАВА 1

СУВЕРЕННАЯ АВТОКРАТИЯ

Ноябрь 1976 г. Через год после смерти Франсиско Франко

В строгом, но элегантном костюме и темном галстуке, усеянном крохотными задравшими хобот слониками, прокуратор Мигель Примо де Ривера-и-Уркихо поднялся на трибуну испанских кортесов. Слоники на галстуке были той легкой вольностью, которую мог позволить себе сорокадвухлетний функционер консервативного авторитарного государства. Представителю нового поколения номенклатуры хотелось выглядеть современно, даже дерзко и в то же время внушать доверие нескольким сотням законодателей, собравшихся на историческое заседание 19 ноября 1976 г. Ведь он вышел к ним с вызывающим, рискованным, по меньшей мере спорным предложением — проголосовать против самих себя.

Перед ним сидели несколько сотен таких же, как он, прокураторов, для которых не менее важным, чем слова докладчика, было его имя. Уркихо — старинный и уважаемый испанский род, но именно первая часть фамилии, Примо де Ривера, должна была внушать собравшимся священный трепет. Она напоминала им о той грандиозной борьбе и великой победе, которая привела их сюда и сделала теми, кем они стали.

Те из присутствовавших, кому уже исполнилось шестьдесят, должны были помнить, а остальные просто знали, как дед сегодняшнего докладчика, генерал Мигель Примо де Ривера, совершил в 1923 г. бескровный переворот, после долгих десятилетий политических бурь вновь превратил парламентскую монархию в абсолютную, освободив короля Альфонсо XIII от пут конституции, а сам стал при нем премьер-министром с диктаторскими полномочиями.

Недолгую и не слишком суровую диктатуру Мигеля Примо де Риверы некоторые из них считали золотым веком стабильности, в который Испания вдобавок вернула себе утраченное положение империи — завоевала север Марокко. В конце того же десятилетия стабильность закончилась, начался глобальный экономический кризис, известный как Великая депрессия. Мигель Примо де Ривера утратил единодушную поддержку армии и большинства столичных групп влияния, подал в январе 1930 г. в отставку и уехал в Париж, где через полтора месяца умер.

После шести лет военного режима королю Альфонсо не удалось как ни в чем не бывало вернуться к конституционному правлению, и монархия пала вместе с диктатурой, которую прикрывала своей мантией. В апреле 1931 г. на, казалось бы, второстепенных муниципальных выборах партии, выступавшие за ликвидацию монархии и за республиканский строй, победили с внушительным перевесом. Странники республики массово вышли на улицы, гражданская гвардия отказалась их разгонять, и король понял, что потерял власть. Не отрекаясь от престола, он вслед за Примо де Риверой уехал за границу.

Была провозглашена Вторая испанская республика, и анархисты с коммунистами на радостях принялись громить опустылевшие церкви. Принято считать, что вовремя учрежденная конституционная монархия непременно избавила бы царскую Россию от революции. В Испании конституцию приняли еще в XIX в., но и здесь не обошлось без антимонархической революции, пусть и начавшейся с выборов.

Те, кто был старше пятидесяти, помнили, а все остальные слышали, читали и учили в школе, как старший сын генерала Мигеля Примо де Риверы, 30-летний красавец Хосе Антонио, в 1933 г. основал боевую патриотическую партию по образцу таких же партий Италии, Германии, Австрии, Португалии и назвал ее Испанской фалангой. Она была призвана бороться за социальную справедливость против старой элиты, сплотившейся вокруг трона и парламента, и одновременно сражаться против коммунистов, которые шли к справедливости своим путем. Коммунисты атаковали элиту слева, а фалангисты справа, и те и другие — от имени простого народа. Первые звали к классовой борьбе, вторые — к национальному возрождению. Первых объединял классовый интернационализм, вторых — внеклассовый национализм.

Политическая жизнь в молодой республике с каждым годом поляризовалась, сползала к крайностям. На первых выборах победил союз либералов и левых, против которых тут же попытались поднять мятеж военные из числа монархистов. На вторых выборах, в 1934 г., победили правые, которых левые немедленно объявили фашистами и против которых подняли пролетарское шахтерское вооруженное восстание в Астурии; его власти кроваво подавили.

На третьих и последних выборах в феврале 1936 г. в республике с минимальным перевесом в голосах, но с большим преимуществом, если считать по числу округов и парламентских мест, победили левые, объединившиеся в Народный фронт. Правые объединиться не успели. Общество к тому времени было так сильно расколото, что партии, которые пытались представлять всех испанцев, не получили почти ничего: все политическое пространство оказалось практически без остатка поделено между непримиримыми лагерями.

Радикальные левые силы восприняли победу Народного фронта как начало рабоче-крестьянской революции. Они увещали города своей символикой, портретами Ленина,

Сталина, Троцкого и Бакунина, разгромили десятки церквей и монастырей. Отряды профсоюзных и партийных активистов захватывали предприятия, здания, земли и транспорт, баски и каталонцы провозгласили курс на выход из-под власти Мадрида. Сразу после победы правительство Народного фронта арестовало лидера фаланги Хосе Антонио Примо де Риверу по обвинению в незаконном хранении оружия, хотя от него тогда ломились дома политических активистов всех направлений.

Формально страна оставалась парламентской буржуазной демократией, и правительство пыталось бороться с революционным радикализмом своих сторонников, но утратило монополию на насилие. Это было неизбежно, ведь пока правительство боролось с радикализмом своих сторонников, отдельные члены кабинета поощряли радикальную политическую самостоятельность и пытались поставить ее себе на службу. Тем же занялись их оппоненты справа.

Улицы превратились в арену столкновений правых и левых боевиков, которые мстили друг другу за потерянных товарищей. В этих столкновениях участвовали и представители силовых структур, в то время как консервативная часть армии обсуждала возможность покончить с хаосом и правительством «красных» силой. Летом того же года беззаконное насилие достигло самого верха политической жизни.

В середине июля без санкции сверху представители одной из служб безопасности Народного фронта, мстя за убитого сослуживца, ночью увезли из собственного дома и прямо в машине застрелили лидера консервативной парламентской оппозиции Хосе Кальво-Сотело, бывшего успешного министра финансов и главу партии католиков-монархистов. Через пять дней несколько генералов в разных частях страны подняли армейское восстание, которое, впрочем, случилось бы и без убийства оппозиционного лидера, ведь к путчу готовились раньше. Началась гражданская война, из которой противники

республики после трех лет жестоких боев и репрессий вышли победителями.

За эти три года после гибели двух других лидеров путча на первый план вышел самый молодой и популярный, как сказали бы сегодня, медийный — Франсиско Франко. В предыдущем десятилетии он прославился героизмом и умелым командованием во время покорения Марокко, а в 1934 г. успешно руководил подавлением шахтерской революции в Астурии. Кроме этого, Франко был автором популярных газетных статей и марокканского военного дневника, изданного отдельной книгой. Он стал главнокомандующим сил, восставших против республики, и главой созданного на отвоеванной у республики территории авторитарного консервативного государства, которое напоминало фашистское и постепенно распространило свою власть на всю страну.

Войну против республики восставшие назвали национальной революцией и крестовым походом. Второе название намекало на историческую преемственность с конкистадорами, в позднем Средневековье отвоевавшими Испанию у мавров — арабов и перешедших в ислам испанцев. Этой самоидентификации не мешал тот факт, что поначалу самой боеспособной и жестокой силой под командованием Франко была Африканская армия, состоявшая из марокканцев-мусульман на испанской службе. Тогда же Франко одним из первых предложил этому парадоксу самоуверенное объяснение: представители разных религий, независимо от крови и языка, сближает совместное противостояние врагам веры и традиционных ценностей. Ими Франко считал не только коммунистов и прочих левых, но и «масонов» — термин, который для него обозначал либералов в широком смысле слова: продажных политиков, интеллектуалов и бизнесменов, обслуживающих интересы мирового капитала вместо национальных.

Фалангисты сразу поддержали армейское восстание против республики, и в ноябре республиканские власти, не тратя

лишнего времени на следствие и состязательный процесс, расстреляли Хосе Антонио Примо де Риверу, арестованного еще до путча в качестве заложника. Франко считал разделение народа на партии, которого требовала либеральная «масонская» демократия, одной из причин упадка некогда великой державы. Поэтому он создал на основе оставшейся без лидера фаланги единственную партию своей Испании. Франко возглавил ее лично, а расстрелянного республиканцами Примо де Риверу, с которым не ладил при жизни, превратил в великомученика спасенной от коммунистов и либералов родины. В течение 40 лет именем Хосе Антонио клялись школьники и седовласые генералы. Рядом с его гробом в гигантской базилике-мавзолее в Долине павших под Мадридом за год до нынешнего заседания кортесов похоронили самого Франко. Год спустя после смерти Франко на трибуну поднялся племянник основателя правящей партии, носитель имени, которое в стране официально считалось священным.

КОРТЕСЫ ОТМЕНЯЮТ СЕБЯ

Перед Мигелем Примо де Риверой сидели еще 497 прокураторов. Так называли депутатов законодательного корпуса, который ни оппозиция, ни мировое сообщество не признавали настоящим парламентом. Большинство его членов попросту не были избраны. В кортесах заседали по должности министры, судьи высоких инстанций, ректоры университетов, епископы и генералы армии. По квоте там занимали места представители профессиональных сообществ — врачи, юристы, архитекторы, фармацевты. Свою часть мест имели делегированные местными советами представители регионов. Среди прокураторов больше всего — целых 150 человек — было посланцев официальных «вертикальных» профсоюзов, в которых вместе состояли работники и работодатели страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru